

На берегу реки Кабул.

НА БЕРЕГУ КАБУЛА

И. ФЕДОРОВ

В разных концах афганской земли — страны суровых гор и цветущих, радующих глаз долин, страны бурных, стремительных горных рек и безводных, опаленных зноем равнин — слышится ныне шум стройки. С помощью советских специалистов прокладывается автомагистраль через Гиндукуш, сооружается торговый порт Кызыл-кала на севере (первая очередь его уже действует). На западе — также при содействии СССР — строится новая автострада Кушка — Герат — Кандагар. На юге страны создается Джелалабадская ирригационная система, возводится крупнейшая в стране гидроэлектростанция близ Наглу, никому ранее не известной, глухой деревушки на реке Кабул. Об этой стройке и пойдет наш рассказ.

АФГАНСКИЙ ДНЕПРОГЭС

НАКАНУНЕ поездки в Наглу я разговаривал с советским инженером, работающим на строительстве.

— Мощность гидростанции, — рассказал он, — примерно равна мощности нашей Волховской ГЭС. Но по значению для Афганистана ее, пожалуй, лучше сравнить с Днепрогэсом. Помните, что значил он для нашей промышленности в 30-е годы? Вот и здесь: сейчас мощность всех электростанций Афганистана не превышает 52 тысяч киловатт. А ГЭС в Наглу, когда вступит в строй, одна даст больше энергии.

Из столицы Афганистана в Наглу мы ехали вдоль реки Кабул. Ниже впадения в него Панджшера и Торгау Кабул широко разливается. Дальше по течению находится место, где русло реки перегорожено плотина. Мощные экскаваторы, бульдозеры, са-

мосвалы готовятся к решительному штурму, чтобы обуздать порывистую реку.

Впереди показался оазис роскошной субтропической растительности, окруженный белой стеной.

— Сароби. Приехали,— говорит шофер.

Сароби — это поселок, где живут строители гидроэлектростанции.

История поселка, думается, стоит того, чтобы ее вкратце рассказать. Когда-то на его месте было несколько домиков и что-то вроде постылого двора на большом тракте Кабул — Джелалабад. В 50-х годах в этих местах было решено строить гидроэлектростанцию. После соответствующих изысканий строительство начали «с помощью» специалистов из ФРГ.

Прежде всего приступили к сооружению вот этого поселка, а не ГЭС. Строили основательно, с комфортом, не считаясь со средствами. Западногерманские специалисты, приехавшие в эту азиатскую страну, хотели заработать много денег и в то же время жить со всевозможными удобствами — может быть, даже с такими, каких никогда не имели у себя на родине. Каждый требовал себе по крайней мере трехкомнатную квартиру. Зачем стесняться, когда афганцы все равно за все заплатят?

И афганцы платили. Что делать? ГЭС нужна была развивающейся экономике страны. Но когда дело дошло до строительства самой гидроэлектростанции, выяснилось, что значительная часть ассигнований уже истратчена. Ничего не оставалось, как построить недорогую, маленькую ГЭС, с водохранилищем, позволяющим вести регулирование стока воды не по сезонам, а только в пределах суток. Мощность ее всего 22 тысячи киловатт. В паводки гидроэлектростанция в Сароби сбрасывает почти всю воду через плотину, зато в сухой сезон, то есть большую часть года, сидит на «голодном пайке» и работает только примерно на 50 процентов запланированной мощности.

«БОЛЬШОЕ ВАМ СПАСИБО!..»

Эта история, весьма характерная для объектов, возводимых западными специалистами в странах Востока, напоминает мне беседу, состоявшуюся на другой афганской новостройке — на строительстве дороги через Гиндукуш. Один из афганских руководителей стройки, рассказывая о ней, стал сравнивать работу советских специалистов с работой инженеров и техников из западных стран.

— Мы видели разных специалистов,— говорил афганец.— Одни приезжали к нам только затем, чтобы побольше с нас содрать да поменьше сделать, другие — как настоящие друзья, чтобы помочь нам.

Приезжали в наши горы и американцы, и немцы из Западной Германии. С ними было очень трудно работать. С первых дней они начинали капризничать: дай им то, дай это. И попробуйте не выполнить, что они требуют,— отказываются работать. Нам от таких «помощников» больше хлопот, чем пользы.

А вот ваши специалисты мне нравятся. Чувствуется, что люди приехали работать, помогать нам. Большое вам спасибо за таких специалистов!

С тем же искренним желанием помочь афганцам в сооружении важного для них народнохозяйственного объекта приехали десятки советских специалистов и на строительство ГЭС в Наглу.

Разные это люди и по возрасту, и по привычкам, из разных городов Советской страны они прибыли: инженер Молин — из Жигулевска, инженер Гусев — из Волгограда; их начальник — главный экс-

перт строительства ГЭС в Наглу Н. Лухнев — руководил сооружением крупной гидроэлектростанции на Немане. Но для них всех это строительство стало кровным и близким делом — таким же, как когда-то было сооружение волжских, неманской ГЭС. Их волнуют дела стройки, о них они говорят, горячо спорят...

Главный эксперт строительства Лухнев, развернув передо мной план, вдохновенно рассказывает о будущей ГЭС.

— Вот здесь, где близко подходят друг к другу обрывистые берега реки, поднимется железобетонная плотина высотой в 103 метра. Она будет представлять собой дугу, обращенную выпуклой стороной против течения, а концами упирающуюся в берега. Плотина позволит вести не только суточное, но и сезонное регулирование стока реки. Задерживая паводковые воды, она сделает реку полноводной даже в засушливое время года. Расширятся возможности для развития орошения ниже по течению Кабула.

— Помимо всего прочего,— замечает Лухнев,— мы выручим и ныне существующую ГЭС в Сароби. Благодаря тому, что сток воды станет регулярным, мощность ее можно будет увеличить на 50 процентов.

НА СТРОЙКЕ

Буровые установки вгрызаются в недра гор. Взрывы в штольнях, где прокладывается туннель, тяжело потрясают землю, выбрасывая на поверхность белесые струи дыма. Подсобные предприятия строительства образовали целый промышленный городок.

У бурового станка вокруг присевшего на корточки советского инженера, грузного мужчины в соломенной шляпе, собралась целая ватага молодых афганских рабочих. Один из них — бригадир, давно работающий вместе с советскими специалистами,— разбирается в технике, немного знает русский язык. Он переводчик.

У человека в шляпе от напряжения лоб заблестел капельками пота. Не так-то легко выступать в роли учителя, когда неважно знаешь язык собеседника. Но совместными усилиями нашему соотечественнику, кажется, удалось растолковать своим слушателям все, что надо.

— Поняли?

— Да, да... Хуб, хуб. Карашо...

И все весело заулыбались. Широкая улыбка на лице советского специалиста — он доволен, что растолковал этим афганским ребятам устройство машины, которую сам так хорошо знает. Бурно выражают восторг афганцы, довольные, что постигли еще что-то новое для них.

Этот, правда, небольшой и нехарактерный эпизод живо напомнил мне об одной из важнейших сторон советской помощи экономически слабо развитым странам. Ведь наряду с тем, что Советский Союз широко сотрудничает с ними в сооружении жизненно важных объектов промышленности и сельского хозяйства, он помогает этим странам как можно быстрее создать свои национальные кадры высококвалифицированных специалистов, которых до недавнего времени у них почти не было. Организируются многочисленные школы и курсы. После начала строительства в Наглу советские специалисты уже подготовили почти 400 квалифицированных рабочих и техников-афганцев.

МЕТАЛЛИСТ ГУЛЬ РАХМАН

В механической мастерской строительства стоит несколько универсальных токарных станков, за которыми работает четверо афганцев. Заведует мастерской коренастый белокурый механик — советский специалист волжанин Харитонов.

Мое появление в мастерской афганцы встречают радушным «Здрасте, энджинер!»

— Почему инженер?!

Механик объясняет:

— Они тут всех нас зовут инженерами. Почему? Видите ли, лишних людей здесь нет. Из Советского Союза приезжают только специалисты. Поэтому привыкли: раз советский — значит, инженер. Даже нашего доктора зовут инженером.

Я прошу механика познакомиться меня с кем-либо из местных рабочих, овладевших профессией металлста.

— С кем же вас познакомить? — некоторое время колеблется он. — Если вам нужен хороший, то они все хорошие. Ну, вот хотя бы Гуль Рахман... Харитонов кладет широкую ладонь на плечо высокого, скромного, как девушка, парня. Гуль Рахман от смущения не знает, куда девать испачканные машинным маслом руки, мнет кусок ветоши. — Недавно мы присвоили ему разряд, стал токарем. Вот посмотрите сами...

Гуль Рахман волнуется. От этого не сразу может включить станок. Рядом волнуется учитель — словно это он сам сейчас нажимает кнопки и рычаги станка. Но вот заготовка вставлена, станок запел, из-под резца побежала золотая стружка. Волжанин ободряюще кивает головой, приговаривая: «Хуб, хуб» («Хорошо, хорошо»).

Деталь готова. Гуль Рахман снимает ее со станка.

— Он у нас молодец, — хвалит механик, — скоро нормы будет перевыполнять. А когда год назад

пришел на стройку, даже представления не имел о машинах — из деревни парень, малограмотный. Но работу нашу полюбил, упорный, старательный, любознательный.

— Что у этих афганских ребят мне особенно нравится, — продолжает советский специалист, — это их стремление к знаниям. Даешь им задание, начинают расспрашивать, для чего нужна деталь. Увидят меня с чертежами — обступят: «Что это? Как это делается?» Способный народ.

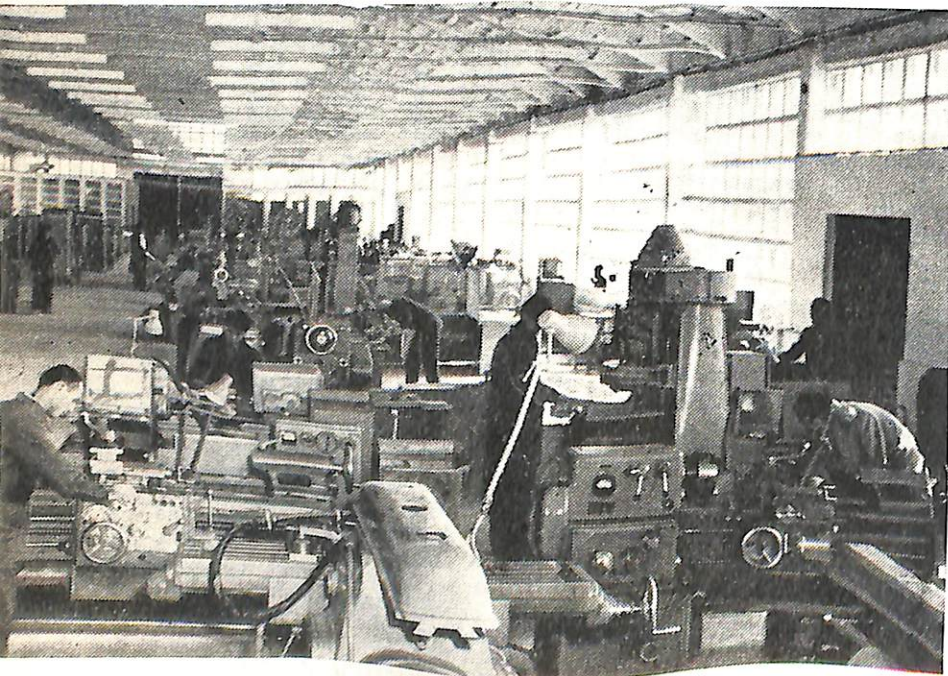
СУДЬБА БЕГЛЕЦА

А вот еще одна встреча — с электромонтером подстанции Амитуддином, юношей с тонкими, словно точеными, чертами лица. Нелегким был путь, который привел его на стройку.

Родился Амитуддин в большом селе Сарф-и-Намбар в семье богатого и знатного духовника. Отец хотел, чтобы сын тоже стал муллой. Амитуддин учился в приходской школе. Потом отец отправил его в духовную семинарию. Но Амитуддин сбежал из семинарии и пошел работать на строительство ГЭС в Наглу.

— Я пошел работать на стройку с самого ее начала, — рассказывает Амитуддин. — Сначала черно-рабочим. Было трудно, но, глядя на эти совершенные машины, на то, как умело обращаются с ними русские, я понял, что именно для этих машин, для того, чтобы держать в своих руках могучую силу, текущую по тоненьким электрическим проводам, я и родился.

Все здесь на стройке поначалу было мне в диковинку. Машины казались какими-то уж очень сложными, замысловатыми. Помогли мне наши советские инженеры. Раз в неделю господин главный инженер Клюев собирал нас, афганских рабочих, учил разбираться в технике. Теперь я не боюсь

Афганистан. Близ Кабула сдан в эксплуатацию Джангалакский авторемонтный завод. Это первое в стране металлообрабатывающее предприятие. Завод имеет авторемонтный, литейный и механический цехи, цех металлоизделий, цех по производству запасных частей для автомашин, нефтяного и текстильного оборудования.

Оснащение завода — автоматические и полуавтоматические станки — поставлено Советским Союзом. Более 50 советских специалистов оказывали афганцам техническую помощь в монтаже и наладке оборудования.

На снимке: Механический цех завода.

Фото А. Стужина. (Фотохроника ТАСС)

машин. Мне, конечно, еще много надо учиться, но уже сейчас я кое-что знаю, умею. У меня появилась чудесная профессия — я электрик.

— Другие мои товарищи, — говорит Амитуддин, — стали здесь бульдозеристами, буровиками, токарями. Эти специальности очень нужны моей стране. Пройдет время, строительство в Наглу будет завершено, но приобретенное мастерство пригодится нам в будущем. И за помощь в овладении им мы приносим нашу искреннюю благодарность русским. Всегда мы будем помнить о наших первых учителях.

Несколько помедлив, Амитуддин добавляет:

— А сейчас я с помощью ваших специалистов хочу стать инженером-электриком. Это самая большая моя мечта. Я буду стремиться к тому, чтобы она осуществилась.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Пройдет еще два-три года, и на лопасти турбин, спроектированных в Ленинграде и собранных

на одном из уральских заводов, хлынет мутно-зеленая кабульская вода. Ток потечет в столицу Афганистана Кабул.

Появится возможность использовать электроэнергию не только для бытовых и промышленных целей, но и для орошения — электронасосы смогут подавать воду на плодородные, но сухие нагорья. Водохранилище ГЭС будет не только регулировать сток реки, но и создаст здоровый, прохладный микроклимат в прилегающей долине. На берегу нового озера предполагается построить курортный поселок, где кабульцы смогут отдыхать в жаркое время года — купаться, даже заниматься парусным спортом. Когда я был в Наглу, советский архитектор строительства готовил макет поселка — на большой, в стол, доске выстроились ряды игрушечных белых вилл, окруженных пластмассовой зеленью таких же игрушечных деревьев.

Пройдет два-три года, и весь этот край станет богаче, краше. Порукой тому — дружный совместный труд афганских и советских строителей гидроэлектростанции в Наглу.

СРЕДИ РАБОЧИХ БИРАТНАГАРА

В. ТУРКИН

КОГДА заходит разговор о непальской промышленности, то все говорят, что надо ехать в Биратнагар — город в дистрикте Моранг, в десяти километрах от индийской границы. И это вполне понятно. Непал — аграрная страна. Из 9,5-миллионного ее населения в промышленности занято только полпроцента. Немногочисленные джутовые, спичечные и хлопчатобумажные фабрики, рисоочистительные и сахарные заводы, мелкие кустарные мастерские — вот и все, что есть в Непале. Семь крупных промышленных предприятий расположены в районе Биратнагара, где работает 80 процентов всей 20-тысячной армии непальского пролетариата.

Рано утром из Биратнагара выходят вереницы рабочих с узелками в руках. По единственной асфальтированной дороге пробегают тяжело нагруженные индийские грузовики — перевозят лес, джут, спички, мешки с сахаром. Дело в том, что в самом Биратнагаре промышленных предприятий немного. Джутовая и спичечная фабрики, сахарный завод находятся в десяти километрах от Биратнагара, в небольшом городке Джогбани, по которому проходит непало-индийская граница. На одной стороне — Индия с железнодорожной станцией Джогбани, на другой — непальский Джогбани с промышленными предприятиями, которые созданы совсем недавно — накануне второй мировой войны — на деньги индийских капиталистов. Индийские компании до сих

пор держат в своих руках свыше 75 процентов всей промышленности Непала. Несмотря на то, что почти вся продукция идет в Индию, многие предприятия из-за трудностей сбыта и конкуренции индийских товаров работают в убыток.

Мы посетили спичечную фабрику «Текка» в Джогбани. Наш «джип» миновал массивные железные ворота и въехал на большой фабричный двор, заваленный огромными, в несколько обхватов толщиной, бревнами. На этой фабрике только лес — непальский, машины же и оборудование завезены из разных стран. Даже упаковочная бумага поступает из Индии. На фабрике около 300 рабочих, которые работают по восемь часов в день. Работа ведется в четыре смены по четыре часа каждая. Многие рабочие не уходят в перерыв домой и тут же, у машин, спят или просто сидят, дожидаясь своей смены, — они живут в Биратнагаре, а туда из Джогбани приходится добираться пешком — транспорта никакого.

Средняя заработная плата рабочего фабрики — 30—40 непальских рупий в месяц. На это должен прожить рабочий с семьей, сюда же входят расходы на лечение и лекарство, и нужно еще отложить на черный день. Ведь у непальского рабочего нет гарантии в том, что он будет иметь постоянную работу, да и социального обеспечения в стране нет, рабочие лишены элементарных прав — профсоюзные организации существуют только на бумаге.

Пролетариат Непала не хочет мириться с таким положением. Его справедливые требования находят поддержку у беднейшего крестьянства, сезонных рабочих и мелких служащих, составляющих в общей сложности более 90 процентов трудового населения страны.

У трудящихся Непала уже есть опыт борьбы за свои права. Одиннадцать лет назад забастовали рабочие джутовых предприятий Биратнагара, потребовав увеличить на 20 процентов заработную плату. И хотя эта забастовка не увенчалась успехом, она все же показала, что непальский пролетариат вступил на путь сознательной и организованной борьбы за лучшую жизнь.